

УДК 94(569.3)+329.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИВАНСКОЙ УММЫ В 50–60-х ГОДАХ XX ВЕКА: ОЦЕНКИ ЗАПАДНЫХ ДИПЛОМАТОВ

А.В. Сарабьев

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, 107031, Россия

Аннотация

Третья четверть XX в. была отмечена разочарованием ливанских мусульман в возможности укрепить свои позиции после периода французского мандата, когда наибольшими социально-политическими привилегиями, по их мнению, пользовались христиане (марониты). Положение суннитов на ливанском политическом поле определялось приверженностью идеям панарабизма, которые не могли в достаточной мере разделять христианские деятели даже проарабской направленности. Шиитские нотабли находились на этапе становления своих политических требований, они во многом солидаризировались с суннитами и поддерживали тех христианских представителей, которые в наименьшей мере, как им казалось, препятствовали участию мусульман в государственном управлении. За неоднородным политическим пространством Ливана пристально наблюдали западные дипломаты, стараясь не упускать из внимания противоречий между религиозными общинами и традиционно рассматривая их в качестве возможных объектов приложения своих усилий.

Ключевые слова: Ливан, мусульмане, арабская умма, политические права, межконфессиональные отношения, британские дипломаты, швейцарские дипломаты, конфессионализм

В начале 70-х годов XX в. глава Департамента Ближнего Востока и Северной Африки британского внешнеполитического ведомства Дж. Крейг (A.J.M. Craig)¹ заявил: «Именно конфессионализм с его взаимной терпимостью создал ливанскую свободу. Что отличает Ливан от других арабских стран? Во-первых, конфессии и, во-вторых, свобода»² (ММЕ, р. 360). Чтобы понять это высказывание, нужно, по-видимому, попытаться оставить в стороне бытующие сегодня оценки ливанских реалий и подходы к ним. В течение трёх десятилетий после Второй мировой войны межконфессиональные отношения в Ливане развивались по своей внутренней логике, во многом заложенной предыдущим периодом мандата, той колониальной политики, которая после падения Османской империи была распространена в том числе на Ближний Восток.

Западные дипломаты уделяли пристальное внимание вопросам межконфессионального соперничества, конечно, и тогда, когда мировое противостояние

¹ Впоследствии, в 1976–1979 гг., он служил послом в Сирии.

² Здесь и далее перевод источников с английского и немецкого языков наш. – А.С.

пролегалo совсем по другим границам, нежели в период холодной войны. Перед лицом мощной американской экономико-политической экспансии на арабском Востоке изнурённые Второй мировой войной европейские страны прикладывали все усилия разведывательного и аналитического характера, чтобы верно оценить расстановку сил на внутривосточной арене Ливана. На такое заключение наводят некоторые документы британского и швейцарского внешнеполитических ведомств 50-х – начала 70-х годов XX в.

Национальный пакт 1943 г., закрепивший в общих чертах сложившуюся на тот момент систему конфессионального представительства в Ливане [1, с. 294], получал и продолжает получать разные, подчас полярные оценки. Ясно, однако, что его невозможно рассматривать в отрыве от сложных и весьма противоречивых действий, осуществляемых в условиях войны представителями европейских держав в Сирии, Ливане, Палестине, Трансиордании, Ираке и других странах региона. Поочерёдно действовавшие в Ливане в годы Второй мировой войны верховные комиссары М. Вейган (Maxime Weygand), А. Денц (Henri Fernand Dentz), представлявшие вишистское правительство оккупированной Франции, затем противодействовавший тому генерал Ж. Катру (Georges Albert Julien Catroux) от движения «Свободная Франция» (“La France libre”), а также опасавшиеся его влияния в Сирии и Ливане англичане – все они пытались опираться (насколько это было возможно) на определённые локальные общины. В то же время заветной целью местных политиков (националистов, как их принято было называть) являлось достижение настоящей независимости, обещанной им уже не раз, в частности 14 июля 1941 г. и 26 ноября 1943 г. [2, с. 64–65]. Возможно, в преддверии этой подлинной автономии, отложенной, правда, до окончания войны, и был заключён неписанный пакт, призванный, среди прочего, предотвратить столкновения между мусульманскими и христианскими группами, по-разному видевшими своё место в свободном государстве.

Новый, суверенный период в истории Ливана был омрачён, с одной стороны, разочарованием большинства мусульман в доминировании христиан в экономике и политике, которое продолжилось после ухода французов, а с другой – опасениями христиан в связи с нараставшим недовольством мусульман. К этому добавился такой мощный региональный фактор мусульманского единства, как палестинская проблема. Высший арабский комитет Палестины, ставший центром арабского национального движения, хотя и включал христианских патриотов, но всё же локомотивом сопротивления выступали мусульмане. Как известно, в декабре 1945 г. была основана палестинская организация «Наджжада» (Najjada), около 2 тыс. членов которой 26 июля 1946 г. прошли маршем по Яффе и принесли присягу на верность и преданность руководству комитета. Один из вдохновителей последнего и основатель «Палестинской арабской партии» Джемаль аль-Хусейни (Jamal Al-Husseini) в обращении к ним в числе главных задач движения обозначил следующее: «покончить с непоправимым вредом, наносимым торговцами землёй [евреями]» [3, р. 455]. В Ливане продолжателем этой идеи стала одноимённая военизированная молодёжная организация, созданная Мухиедином Нсули (Muhieddin Nsuli). Среди своих задач её члены видели возрождение и продвижение арабо-мусульманской культуры на Ближнем Востоке. «Наджжада» стала фактически оппонентом правой националистической

партии «Катаиб», в основном представляющей интересы христиан, однако по степени организации и поддержки среди суннитов она не достигла того уровня, что имела «Партия фалангистов» среди маронитов [4, р. 43].

Впрочем, настроения в среде мусульман Ливана после войны следует оценивать не только в контексте региональных общеарабских задач, но и с учётом их давних связей с Великобританией в противовес традиционным контактам сиро-ливанских христиан с Францией. В этом плане обращает на себя внимание, в частности, пространный документ, начало которому положило оглашение с минбара Большой мечети Омара в Бейруте в пятницу 13 марта 1953 г. шейхом Шафиком Йамутом (Shafik Yamut), кади и главой шариатского суда Ливана, манифеста, созданного Временным комитетом Постоянной конференции мусульманских организаций Ливана. Текст обращения и обширный комментарий к нему, составившие вместе памфлет «Мусульманский Ливан сегодня», были, что характерно, опубликованы на арабском и английском языках «в надежде, что те из... сограждан и зарубежных друзей, кто прочтёт их, поймут серьёзность ситуации и неотложность действий, которые... должны предпринять в настоящее время» (ММЕ, р. 331). Тонкий расчёт оправдался: осенью того же года памфлет стал предметом обсуждений в британском министерстве иностранных дел.

Манифест преследовал цель восстановить справедливость в отношении якобы притеснённой маронитами ливанской уммы и начинался так: «После многих лет терпеливой воздержанности, в надежде на то, что прогрессивные элементы внутри правительства, в котором превалируют христиане, а также политические группы Ливана предпримут действенные шаги по направлению к отмене государственного сектарианизма, предоставят равные возможности и продемонстрируют равное отношение ко всем ливанцам независимо от их религиозных предпочтений, теперь мусульманская община считает себя обязанной активно добиваться собственных прав в качестве своего вклада в продвижение всей нации к этой цели» (ММЕ, р. 332). Подписавшие документ требовали, помимо прочего, пересмотра конституции, вселиванской переписи населения, полного экономического единства между Ливаном и Сирией; в числе других важнейших призывов – прекратить селективный конфессиональный протекционизм, перестать пропагандировать Ливан как христианское государство (ММЕ, р. 332).

Манифест сопровождался докладом по общей ситуации с точки зрения мусульман, составленным 26 ноября 1953 г. британским агентом Вадихом Малуфом (Wadih Malouf) на основе информации, «полученной от среднего и низшего класса населения Триполи, Бейрута и Бекаа» (ММЕ, р. 326). Он писал: «Все мусульмане, которых я встречаю, убеждены, что положение не изменилось и что президент [Камиль] Шамун проводит антиисламскую политику в Ливане. Эти недовольства уже больше не тайна, поскольку они выражаются открыто и повсюду. Они начались довольно давно, но достигли такого высокого уровня только недавно...» (ММЕ, р. 328).

Заслуживают внимания рукописные пометы на документе – своего рода переписка ответственных сотрудников британского МИД. Некий «М-р Араб» писал 9 декабря того же года: «Я не до конца понял, действительно ли мусульмане намного глубже испытывают обиду, чем обычно, или же ситуация не критичнее,

чем обычно. Было бы полезно иметь ваш собственный краткий комментарий, если сочтёте это действительно важным» (ММЕ, р. 326–327). На это приводится схематичный, но ёмкий ответ, очевидно, резидента: «Все эти обиды существуют, «суммы» помогают им перерасти в нечто опасное для президента. У Б. аль-Хури был Риад Сольх, чтобы успокаивать мусульман, Шамун же не имеет такой поддержки. Если прибавить к этому неуклюжесть и отсутствие метода у президента, то вполне оправдываются ожидания потрясений при первой же возможности, такой как: Яфи уходит; Сами Сольх игнорируют при формировании такого кабинета; или любой [неразборчиво. – А.С.] кризис. Доклад представляет не слишком блестящую картину, но относительно верную» (ММЕ, р. 327).

Ретроспективный анализ работы прошлой ливанской администрации содержал в докладе следующие оценки: «Одной из причин, приведших к отставке экс-президента Бешары аль-Хури, была его неудача в установлении настоящего сотрудничества с мусульманскими кругами и отказ ведущих мусульманских политиков формировать правительство или принять министерские посты. Большинство мусульман верили, что Бешара аль-Хури, который был облечён полной конституционной властью, всегда работал против интересов мусульманского сообщества и делал всё возможное для ослабления влияния мусульманских политических лидеров» (ММЕ, р. 328).

При этом находящиеся у власти представители мусульман оценивались в основном негативно – как слабые, либо преследующие свои цели, либо идущие на поводу у христианских деятелей. Якобы авторитетные политики-мусульмане, например сунниты Рифаат Казун (Rifaat Kazoun), Мухаммад аль-Аббуд (Mohamed Al-Abboud) и Сулейман аль-Али (Suleiman el-Ali), шиит Ахмад аль-Асад (Ahmed el-Assad), отстранялись от власти аппаратом президента-маронита Камиля Шамуна, который будто бы даже попустительствовал убийству некоторых из них. «Большинство мусульман, – говорится в документе, – не удовлетворены теперешним правительством, ведь они считают, что Абдалла Яфи – слабая личность и очень легко управляется президентом и “врагами ислама и арабов”, то есть эддистами. Многие из тех, с кем я встречался, отмечают отсутствие среди мусульман личности, обладающей настоящим влиянием над мусульманской общиной, поскольку находят, что Сами ас-Сольх – это “бон-папа” и эксцентрик, Саиб Салам – коммерсант, а Хусейн Ауэйни – коммерсант и слабая личность. Высокого мнения они о Хусейне Джисре» (ММЕ, р. 328–329). В докладе утверждается, что отстранению от власти сильных мусульманских политиков, пользующихся народной поддержкой, способствовал несовершенный закон о выборах, который «был принят специально для того, чтобы ослабить лидерство мусульман (суннитов, шиитов, друзов)» (ММЕ, р. 328). Нареканию подвергался доступ «христиан и рабочего класса» к голосованию по кандидатурам депутатов-мусульман (ММЕ, р. 328).

Подробно рассмотрены действия правительства, демонстрирующие неравномерное распределение социально-экономических благ между ливанскими христианами и мусульманами. Например, в отношении инфраструктуры отмечается следующее: «Тогда как щедрая правительственная помощь в строительстве хороших дорог, получении воды и электричества ожидается христианами районами сельского Ливана <...> поддержки по тем же статьям оказываются

лишены мусульманские населённые пункты. Тысячи мусульман в Набатии в Южном Ливане периодически страдают от нехватки воды в засуху из-за отсутствия минимальной помощи по развитию водных ресурсов в этом пренебрегаемом районе. Одним из наиболее ярких примеров подобных манёвров была борьба правительства за проект развития водоснабжения по четвёртому пункту³. <...> Поскольку подразумевалось, что эта монополия будет под маронитским управлением и контролем, она могла, вероятнее всего, стать дополнительным оружием в руках наиболее непримиримых членов этой общины, позволяющим им продолжать удерживать мёртвой хваткой Ливанскую республику и её граждан» (ММЕ, р. 337).

Закон о городском найме, по мнению авторов манифеста, был призван обеспечить приток в Бейрут христиан «до тех пор, пока крупный портовый город не будет полностью отнят у мусульман» (ММЕ, р. 337). Особый акцент ставился на то, что согласно принятому закону заморозке тарифов подвергнется наём недвижимости, построенной до 1944 г. и служащей основным источником дохода бейрутских мусульман, в то время как на построенные после войны здания, принадлежавшие, как правило, христианам, это не распространялось: «Поскольку здания после 1944 г. построены (и продолжают возводиться невероятными темпами) христианскими нуворишами, спекулянтами на войне и репатриантами из обеих Америк и Африки или же на присланные из-за рубежа деньги, этот класс сделался чрезвычайно богатым и процветающим благодаря высокой ренте, он имеет возможность продолжать покупать недвижимость, строить новые здания и расширять свои экономические сети. Это сделано за счёт постепенно беднеющих мусульманских владельцев собственности, которая пришла в крайне запущенное состояние или утрачена» (ММЕ, р. 338).

Неравномерное развитие школьного образования ставится, как это ни странно, в зависимость от иностранной помощи: «Общественные школы, в основном находящиеся под патронажем мусульман, не имеющих зарубежных миссий, и мусульманские частные школы, пренебрегаемые правительством, почти никогда не дотягивают до уровня высоких стандартов христианских или миссионерских заведений, несмотря на тот факт, что мусульманское население в большей степени нуждается в такой поддержке» (ММЕ, р. 338). Касаясь американской помощи, авторы и вовсе прибегают к своего рода шантажу: «Прискорбно, что стоящие мусульманские учебные заведения, нуждающиеся в помощи или поддержке по четвёртому пункту, не могут её получить, поскольку по условию нужно ожидать финансирования таких проектов через правительство. <...> И хотя чиновники, работающие по четвёртому пункту, никоим образом не ответственны за дальнейшее усиление христианских элементов в Ливане, но именно на четвёртый пункт, на США и в целом на Запад некоторые малограмотные и антизападные элементы укажут как на ответственных за эту плачевную ситуацию, которая станет результатом дальнейшего отдаления арабских и мусульманских народов от западного влияния и дружбы» (ММЕ, р. 338–339).

---

³ Имеется в виду программа Трумэна, а точнее, помощь США экономически слаборазвитым странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Члены ливанской уммы не могли принять откровенно прозападный и антимусульманский, как они считали, курс Камиля Шамуна: «Многие говорят, что президента интересуют лишь две вещи: а) найти пути и средства ослабить мусульманское влияние и б) устроить своих последователей на работу в государственные ведомства» (ММЕ, р. 329).

О широком недовольстве мусульман действиями Камиля Шамуна писал М. Сулейман, отмечая, что, наряду с проведением прозападной политики, от которой президент Ливана «не отошёл даже в период Суэцкого кризиса, ливанские сторонники арабизма, в первую очередь мусульмане, ставили ему в вину даже усиление этого своего курса путём назначения на должность главы МИД Шарля Малика. Когда же Шамун поддержал доктрину Эйзенхауэра, ливанские мусульмане почувствовали опасность для страны превратиться в прозападное неарабское государство, где принципы Национального пакта будут забыты» [5, р. 113].

Другим важнейшим фактором расстановки общественно-политических сил в Ливане стало распространение идей Гамалея Абделя Насера (Gamal Abdel Nasser Hussein), президента Египта в 1956–1970 гг. Его призыв к арабскому единству в 50-е годы был воспринят с энтузиазмом именно суннитами Ливана. М. Джонсон писал об этом: «Президент Насер, чьи изображения стали на виду во всех суннитских кварталах Бейрута и чьи речи с удовольствием слушали по радио, явился фактически заимом⁴, стоявшим над ливанской системой и объединившим людей, разделённых прежде на вертикальные клиентельные структуры» [6, р. 131].

Закономерным следствием общественного напряжения, вызванного резко прочерченной границей между идеологическими лагерями, стал ливанский кризис 1958 г., который, кстати, многие тогда склонны были считать гражданской войной (см., например, (AfZ, 7.12.1960, Вл. 3); [6, р. 127]). Без сомнения, конфессиональный компонент в нём присутствовал, но являлся не самостоятельным, а напрямую связанным с экономическим, внутри- и внешнеполитическим курсом администрации Шамуна, противостоящей популярному среди мусульман арабизму [7, с. 97–98]. Как пишет Х. Хашан, «в действительности одной из непосредственных причин восстания 1958 г. было негодование суннитов антинасеровской политикой, проводимой президентом Камилем Шамуном» [8, р. 87]. А по свидетельству Т. Петран (Tabitha Petran), журналистки мексиканского происхождения, проживавшей в Сирии и Ливане с 1962 по 1986 г., «поляризация арабской региональной политики усиливала конфессиональную чувствительность внутри Ливана. Гамаль Абдель Насер, бросая вызов Западу, подталкивал мусульман-суннитов требовать единого ливанского противостояния американскому империализму и усугублял ощущаемую ими досаду, вызванную незначительностью доставшейся им доли политической власти» [4, р. 49].

Британский посол в Бейруте П. Райт (Paul H.G. Wright) также главную проблему видел в политико-идеологических противоречиях, которые на первый взгляд могли показаться межконфессиональными. В одном из своих донесений главе МИД А. Дугласу-Хоуму (Alec Douglas-Home) 21 марта 1973 г. он пред-

⁴ Глава общины и политической партии.

ставил аналитическую записку «Кресты и полумесяцы: конфессионализм в Ливане» (“Crosses and Crescents: Confessionalism in Lebanon”), где, в частности, отмечал: «Мусульмане вечно ворчат о лишении их гражданских прав, но чисто религиозные проблемы никогда не становились определяющими в серьёзных внутренних столкновениях, даже гражданская война 1958 г. не противопоставила эти две веры» (ММЕ, р. 349).

На это, правда, Дж. Крейг возразил: «Вы говорите, что “даже гражданская война 1958 г. не противопоставила эти две веры”. Верно, но она не противопоставила – парадоксальным образом – именно потому, что противопоставление [или поляризация] уже существовало. Разумные христиане, вроде [Фуада] Шехаба и [Бутроса Булоса] Меуши⁵ признавали, что, если они не взломают эту поляризацию, последняя взломает страну. Ведь, по существу, спор вёлся между прозападными христианами и проарабскими мусульманами, и, когда главная опасность миновала, Меуши и другие вернулись на свои прежние позиции; и только Шехаб и его сторонники признавали, что опасность была хронической. Мусульманские лидеры удерживали себя при помощи сходного благоразумия (например, в вопросе о переписи), поскольку они распознали ту же опасность противопоставления» (ММЕ, р. 359).

Отчасти в пользу этого довода, а также в подтверждение конфессионального протекционизма ливанского президента свидетельствуют воспоминания Т. Петран: «В то время как маронитский патриарх сам оценивал мусульманское большинство в 60%, политика Шамуна усиливала чувства среди мусульман, особенно среди низших слоёв городского среднего класса, что они в своей стране являются гражданами второго сорта. Растущее недовольство в равнинных сельскохозяйственных областях, запущенных по сравнению с Горным Ливаном и Бейрутом, было также серьёзным фактором разгоравшейся революции» [3, р. 50].

Швейцарский посол в Бейруте Г. Киль (Guido Keel) 7 декабря 1960 г. сообщил: «В последние месяцы усилились признаки того, что со стороны мусульман-суннитов идут попытки расшатать нынешний религиозно-политический баланс в Ливане, чтобы изменить его в пользу превосходства мусульман. Кровавые события летних месяцев 1958 г. пробудили в мусульманской части населения силы, которые, несмотря на последовавшую за беспорядками формулу примирения “Ни победителей, ни побеждённых”, по-видимому, не собираются отказываться от своих подрывных действий и своей цели» (AfZ, 7.12.1960, Вл. 2). Автор донесения связывает претензии мусульман Ливана с демографической плоскостью: «Снова и снова радикально настроенные мусульманские политики требуют проведения новой переписи населения. При этом основание подобным притязаниям лежит в такого рода аргументах: с последней переписи не только увеличилось население с 1.4 млн до приблизительно 1.6 млн человек, но и произошло смещение конфессионального баланса. Вследствие большего коэффициента рождаемости, как считают мусульмане, теперь был достигнут перевес над христианами. Кроме того, в стране проживают около 150 тыс. палестинских

---

⁵ Он, как пишет Р.Г. Ланда, «считал арабскую культуру базой этнокультурной самоидентификации ливанцев. ...Симпатии патриарха к панарабизму и его приветствие по случаю образования ОАР вызвали отрицательную реакцию политических лидеров маронитов, которые направили в Ватикан свой протест в связи с “проарабской” деятельностью Булоса II» [7, с. 97].

беженцев, в подавляющем большинстве мусульмане. Поэтому прежний религиозный состав претерпел изменения и теперь считается недействительным» (AfZ, 7.12.1960, Вл. 2).

Далее следует эпизод, отражающий недовольство части мусульман мерой представленности их в верховной власти:

«Волну беспокойства в христианском лагере возбудила инициатива депутата-мусульманина Аднана аль-Хакима. Как вождь мусульманских молодёжных и боевых отрядов “Наджжады” этот политик представляет крайнее крыло сторонников панарабизма насеристского типа. Хаким явился к президенту страны Шехабу и потребовал ни много ни мало, чтобы традиционное положение, согласно которому президент республики принадлежит к маронитской общине, было упразднено и заменено на альтернативное правление христианского и мусульманского глав государства.

Президент Шехаб отреагировал на предложение Аднана Хакима очень холодно. Он ответил, что из шести лет его срока впереди ещё целых четыре года и он не собирается досрочно уходить в отставку. И поставленная проблема должна рассматриваться по меньшей мере как несвоевременная.

Христианские политики остро отреагировали на поступок Хакима. Создаётся впечатление, что вопрос этот намеренно и вероломно “выдернут из забора”⁶, чтобы внести в политико-конфессиональную ситуацию новый элемент замутнённости и нервозности. Сами предводители с мусульманской стороны, такие как глава кабинета министров Саиб Салам и его мусульманские коллеги по кабинету, поражены и смущены. Трудно оценить, насколько искренно это изумление, или же это только притворная растерянность. Во всяком случае, все эти люди в период бушевавшей гражданской войны стояли с Аднаном Хакимом на одних и тех же баррикадах» (AfZ, 7.12.1960, Вл. 3).

Вопрос закрепления президентского поста за маронитами, таким образом, был поставлен частью депутатов-мусульман под сомнение. Нужно учесть, что автором инициативы пересмотра стал глава промусульманской партии, имеющей в своём распоряжении вооружённые отряды (милишийат). Это не могло не тревожить сторонников сложившейся системы конфессионального представительства: «В христианском лагере отдают себе отчёт в том, что пришла в движение легкомысленно начатая дискуссия по основам конфессионального баланса. Речь идёт о судьбе ливанского Национального пакта 1943 г. Он представлял собой результат взаимных и добровольных уступок, и это стройное здание грозит быть разрушенным, если одна из религиозных общин захочет отказаться от существенного пункта компромисса» (AfZ, 7.12.1960, Вл. 3). Г. Киль делает тревожное замечание: «Теперь дело выглядит так, что, похоже, в кругах приверженцев панисламского фанатизма интерпретация арабизма в духе религиозной толерантности больше не приемлема» (AfZ, 7.12.1960, Вл. 4).

Впрочем, это действительно был лишь эпизод недовольства мусульман-панарабистов, не получивший своего развития. Однако этот инцидент, по тонкому замечанию швейцарского дипломата, премьер-министр Саиб Салам и его

---

⁶ Вероятно, немецкая идиома “vom Zaune gerissen” сходна по смыслу с русским выражением «взять с потолка».

сторонники в правительстве и парламенте могли использовать в качестве элемента давления на своих оппонентов. Одновременно они демонстрировали полную поддержку распределения властных полномочий по принципу конфессионализма, который вполне устраивал их на тот момент, хотя доля христиан в новом составе парламента значительно превышала долю мусульман (54 к 45), даже при том, что общее число депутатов в 1960 г. было увеличено с 66 до 99.

Французские и итальянские издания внимательно следили за результатом парламентских выборов 1960 г.: «Как и ожидалось, 12, 19, 26 июня и 3 июля в разных районах Ливана последовательно были проведены выборы в новый совет депутатов. Голосование проходило беспрецедентно спокойно. Что касается состава палаты из 99 мест, известно распределение по конфессиям: 30 маронитов, 20 суннитов, 19 шиитов, 11 православных, 6 греко-католиков, 6 друзов, 4 армяно-григорианца, 1 армяно-католик, 1 протестант и 1 из “меньшинств”, а также по регионам: 16 – Бейрут, 30 – Горный Ливан, 18 – Южный Ливан, 20 – Северный Ливан и 15 – аль-Бекаа. Распределение по партиям или политическим группам следующее: “Катаиб” – 6 депутатов (5 маронитов и 1 армяно-католик); “Национальный блок” – 6 (5 маронитов и 1 шиит); “Прогрессивно-социалистическая партия” – 6 (друз, маронит, суннит, шиит, православный, католик); “Национал-либеральная партия” – 5 (3 маронита, православный и шиит); “Конституционный союз” – 6 (4 маронита, 1 друз, 1 шиит); “Дашнакцутюн” – 4 (все армяне-григориане); “Национальный комитет” (аль-Хайа аль-ватанийя) – 1 депутат-суннит; “Наджжада” – 1 депутат-суннит; группа Ахмада аль-Асаада (Южный Ливан) – 7 депутатов (6 шиитов, 1 православный); группа Рашида Караме (Триполи) – 7 депутатов (6 суннитов и 1 православный); группа от Аккара – 4 депутата (как и в предыдущем году; 2 суннита, 1 маронит, 1 греко-православный); группа Франжье – 5 депутатов (от Бишари и Згарты; все марониты); группа Жозефа Скафа (Захла) – 5 депутатов (греко-католик, православный, маронит, суннит и шиит)» [9, р. 445]. Также довольно подробно освещала результаты выборов в парламент Ливана швейцарская «Нойе цюрхер цайтунг» (*Neue Zürcher Zeitung*), опиравшаяся на сведения американского агентства «Юнайтед Пресс Интернэшнл» (*United Press International*) и французского «Агентства Франс-Пресс» (*Agence France-Presse*) [10].

Правительство, утверждённое в начале августа 1960 г. и проработавшее до 16 мая 1961 г., представляло собой попытку создать орган исполнительной (как и законодательной) власти, в котором было бы обеспечено наиболее справедливое конфессиональное представительство. «Удовлетворяя всем имеющимся партикулярным притязаниям, – писал Г. Киль, – кабинет был сформирован из 18 членов. Для страны с населением всего 1.6 млн человек это стало настоящим правительством-гигантом, которого Ливан на протяжении 15 лет своей независимости ещё не знал» (AfZ, 22.05.1961, Вл. 1).

Однако эксперимент с так называемым инклюзивным правительством не удался, поскольку кабинет министров оказался неспособен выполнить первоочередные задачи: «Возглавляемый Саибом Саламом 18-членный кабинет уже вскоре после назначения обнаружил все признаки своей внутренней хрупкости. Вместо того чтобы продемонстрировать дееспособность в плане исполнительной власти, правительство установило своего рода маленький парламент в рамках

самого парламента, какое-то абсолютно гетерогенное создание с расходящимися векторами, которые скреплял лишь взаимно противоборствующий индивидуализм. <...> Более всего удивляет то, что правительство не смогло реализовать ни один из строительных или социальных проектов, которые уже давно ожидали своего воплощения и в которых Ливан остро нуждался» (AfZ, 22.05.1961, Вл. 2).

Почти через 9 месяцев треть министров подали в отставку, что открыло возможность для формирования нового кабинета. Г. Киль видит в этом шаге попытку отойти от прежней стратегии и изменить состав правительства: «Должно быть, друзья Саиба Салама провели переговоры о возможности возвращения премьера с правительством в его уменьшенном составе» (AfZ, 22.05.1961, Вл. 2). Действительно, следующий кабинет министров состоял только из 9 членов, семь из которых уже занимали ранее министерские посты. «Соответственно, второй кабинет Саиба Салама – это скорее перестановка с уменьшением, чем настоящее преобразование правительства», – заключает дипломат (AfZ, 22.05.1961, Вл. 4).

Тем временем влияние насеризма в регионе стремительно нарастало. Ливанские сторонники идей Насера, особенно среди мусульман, действовали активно и открыто. Очевидно, они чувствовали за собой поддержку этого авторитетного регионального лидера. Известно, в частности, о некой речи египетского президента, где он в начале 1961 г. яростно критиковал «Катаиб» и «Прогрессивно-социалистическую партию», так что даже премьер-министр Саиб Салам 26 февраля был вынужден выступить с призывом хранить Ливан от раскола, «чтобы существовал один Ливан, а не два» [11, р. 195]. На серьезность ситуации указывает тот факт, что уже 7 марта того же года предпринималась попытка взорвать дом Саиба Салама: якобы случайно заметили и погасили фитиль, ведущий к собранным вместе динамитным шашкам, которых было более сотни [11, р. 196].

После попытки государственного переворота в Сирии в марте 1962 г. и в преддверии баасистской революции Ливан, как отмечает Г. Киль, стал удобным форпостом для переброски в Сирию сторонников насеризма. Об этом якобы заявляли главы МИД и МВД Сирии, обвиняя ливанские власти в бездействии в плане отпора пронасеровской пропаганде в своей стране, и даже предлагали такую радикальную меру, как закрытие сирийско-ливанской границы для пресечения этой «иностранный шпионской деятельности» (AfZ, 16.01.1963, Вл. 5). В результате граница на некоторое время была перекрыта, а кроме того, правительством рассматривались другие меры давления на Бейрут.

Тогда ливанский президент Фуад Шехаб делает явный акцент на внутренний курс примирительного характера, пытаясь привлечь на свою сторону мусульман. Для этого он, по мнению Т. Петран, даже прибегает к «проведению более-менее пронасеристской политики, которая служила некоторой компенсацией традиционным мусульманским лидерам за неуспех в достижении большинства их внутривнутриполитических требований. Традиционные мусульманские лидеры не восставали против конфессиональной системы как таковой. <...> Они надеялись свести президентство до такого уровня, чтобы обеспечить баланс между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти и добиться более справедливого участия мусульман в распределении правительственных и гражданских постов» [3, р. 50].

Хотя «Шехаб стремился гарантировать мусульманам их представительство в соотношении 50/50», «львиная доля этих дополнительных постов в соответствии с конфессиональным распределением досталась суннитам, а не быстро растущей шиитской общине, что, в свою очередь, породило новое недовольство» [3, р. 57]. М. Сулейман так характеризует неоднородность политических позиций ливанской уммы: «Арабо-мусульманские элементы были ввергнуты в беспорядок, раскалываясь на многочисленные группы, которые теперь выступали с разных позиций. Некоторые из них (“Национальный призыв”, “Прогрессивно-социалистическая партия”, “ДАН”) в целом приняли существующий порядок вещей и решили действовать таким образом, чтобы соблюдать свои интересы. Другие (“Джамаа аль-исламийа”) работали над созданием единого мусульманского государства, а некоторые (“Баас”, “Ливанское национальное движение”) призывали к включению Ливана в широкий арабский мир. “Наджжада” занимала позицию где-то посередине между двух последних» [12, р. 692].

Ещё одной проблемой стал так называемый палестинский призыв, который усилил поляризацию общества. Х. Хашан пишет: «Когда в конце 1960-х годов ООП⁷ начала действовать в Ливане, пренебрегая линией правительства страны, поддержка суннитами ООП <...> была всеобъемлющей» [8, р. 87]. Последующие события в Иордании (в том числе исход оттуда в 1970 г. палестинцев, значительная часть которых направилась в Ливан), арабо-израильская война 1973 г., укрепление в Ливане ячеек Палестинского движения сопротивления, а также многие другие факторы создали вскоре опасное напряжение, которое положило начало долгой гражданской войне 1975–1990 гг.

Между тем Шехаб в 1960-е годы предпринимал все меры к нормализации межмусульманских отношений в Ливане. В частности, он стал повышать роль государственных силовых структур для решения местных проблем, дав широкие полномочия службе безопасности – так называемому Второму бюро, куда включил и мусульманских офицеров, «улаживать племенные и клановые конфликты в районах Бекаа и Аккара, а также усмирять вооружённые бригады заимов и их частные армии, разросшиеся в период столкновений 1958 г.» [3, р. 58].

Помимо этого, для ослабления протестных настроений был разработан и реализован научно обоснованный план социально-экономического развития депрессивных районов Ливана, в особенности населённых мусульманами. Это продемонстрировало беднейшим слоям мусульманских общин готовность властей действовать ради их блага, пусть и с расчётом на определённый внешний эффект.

В результате комплекса этих и других мер фигура президента стала более нейтральной, лишённой подозрения в покровительстве какой-либо из конфессиональных общин. Фуад Шехаб тем самым вошёл в историю лидером, стоящим над традиционными для Ливана конфессиональными, клановыми или классовыми противоречиями [5, р. 114].

Тем не менее проблемы сохранялись, и в ряду важнейших была клиентельная структура ливанской уммы. Это относилось как к суннитам, так и шиитам, населявшим в основном долину Бекаа и южные районы. В связи с этим следует

---

⁷ Организация освобождения Палестины – политическая и военная организация, созданная в 1964 г. с целью объединения различных групп палестинских арабов.

затронуть особенности данной территории. Местные мусульманские нотабли и выходцы из связанных с ними семей были включены в систему государственной власти на всех уровнях. В то время, по мнению Т. Петран, юг страны был преимущественно шиитским за исключением суннитского Сидона, маронитского Джебзина, нескольких маронитских и православных сёл вблизи границы с Израилем и друзского города Хасбайя. «Четыре могущественные шиитские семьи – аль-Асаад, аль-Халиль, Осейран и аз-Зейн – владели примерно по 1.5 тыс. га земли» [4, р. 71]. На их влияние указывает ряд фактов: «Камиль аль-Асаад, как его дядя и отец, много раз избирался депутатом, а в 1972 г. был назначен спикером парламента, удостоен высшего государственного поста для шиита. <...> Политическим лидером Баальбека-Хермеля в Бекаа был до своей кончины в 1976 г. богатый землевладелец, шурина аль-Асаада, Сабри Хамаде. Эти две семьи обладали огромной властью не только в масштабе тех районов, но и в масштабе страны» [4, р. 71, fn. 15, р. 391–392]. Так, известно, что на выборах 1964 г. кандидатами в депутаты были Рашид и Сабри Хамаде, Ахмад аль-Асаад (наряду с Абдаллой Яфи, Саибом Саламом и др.) [4, р. 114].

Любопытное замечание относительно ливанских шиитов содержится в упомянутом выше письме Дж. Крейга британскому послу в Бейруте П. Райту. «Полагаю, вы подмечали, – пишет он 19 июня 1973 г., – интереснейшую тенденцию дрейфа шиитов в сторону от суннитов. Это, я считаю, отчасти благодаря тому, что шииты становятся всё больше и больше “бедными белыми” Ливана, тогда как сунниты начинают догонять христиан в плане достатка, а также оттого, что шииты не имеют таких прочных связей с арабскими соседями, как сунниты, а следовательно, не так поддаются влиянию призыва к арабскому национализму, и оттого, наконец, что не исключают возможности оказаться в более затруднительном положении под господством суннитов, нежели христиан» (ММЕ, р. 359–360).

Эти тенденции расхождения ливанских шиитов и суннитов, проницательно подмеченные Дж. Крейгом ещё в начале 1970-х годов, получили своё развитие на протяжении первого десятилетия XXI в. Различия в моделях социально-экономического развития, предпочтениях региональной интеграции, идеологических установках и, так сказать, властных парадигмах, в конце концов, разделили шиитскую и суннитскую общины Ливана на противостоящие друг другу альянсы. Очевидно, что начало этому было положено ещё задолго до гражданской войны – в 60-е годы XX в.

Другое наблюдение британского дипломата касается друзов Ливана. В том же письме говорится: «Друзы всегда неординарны и следуют за своим лидером почти во всём. Сейчас [Камаль] Джумблат⁸ близок к определённым направлениям суннитов. Но если он изменится или умрёт, разве позиция друзов не изменится в одночасье? Определённо, ни одна из других конфессий не любит друзов и не доверяет им» (ММЕ, р. 359). В этой резкой и, возможно, эмоциональной оценке прослеживается такая отличительная черта данной этноконфессиональной группы, как отсутствие связи с другими ливанскими мусульманами по вопросам, не относящимся непосредственно к религии. Лидеры этой общины

---

⁸ Камаль Джумблатт (Kamal Jumblatt), основатель ливанской Прогрессивно-социалистической партии, был убит в период гражданской войны. Продолжателем его дела стал сын, Валид Джумблат (род. 1947) – один из наиболее влиятельных ныне друзких лидеров (см. [13]).

имели собственное представление о развитии страны и своём месте в ней, а поэтому только изредка и с осторожностью солидаризировались с суннитами или шиитами. Как правило, такое сотрудничество осуществлялось на чисто светской основе, религиозная близость не играла существенной роли при выборе друзьями их политической линии.

Итак, 50–60-е годы XX в. стали периодом острых идеологических столкновений, политических баталий и даже государственных переворотов в ряде стран Ближнего Востока. Можно утверждать, что на ливанскую внутривнутриполитическую ситуацию собственно конфессиональные противоречия не оказывали определяющего влияния, будучи отодвинутыми конфликтами политико-идеологическими, хозяйственными, клановыми. Возможно, в этом и заключается трудность оценки положения ливанских мусульман в целом. Ведь в такой постановке вопроса латентно содержится противопоставление мусульманских и христианских общин, что в ливанском контексте само по себе спорно.

Между тем западные политики традиционно уделяли пристальное внимание религиозной составляющей, в связи с чем положение мусульманских общин Ливана становилось предметом специальных детальных докладов резидентов и дипломатов. Это обусловлено преследованием собственных интересов в регионе, стремлением укрепить политическое и экономическое влияние соответствующих государств в противовес конкурентам. Закономерный вопрос о том, насколько эффективным было использование рычагов воздействия на местные уммы, требует отдельного рассмотрения.

Проведённое исследование позволяет утверждать следующее: основные ливанские общины, в том числе суннитская, шиитская и друзская, могли рассматриваться мировыми державами именно в рамках противостояния глобальных блоков, называемого холодной войной. Следует подчеркнуть, что вплоть до гражданской войны, начавшейся в 1975 г., ливанские мусульмане не только не составили монолитной силы, в задачи которой входили бы общие интересы уммы, но даже утратили ту более или менее единую повестку, порождённую тяжёлым для них мандатным периодом. Их разные, подчас полярные позиции – исламизм, антиссионистское сопротивление, арабский национализм, социализм, даже сирианизм – могли открывать возможности для манипуляции извне. Так или иначе, процессы, протекавшие в рассматриваемое время в одной из ключевых ближневосточных стран, отчётливо отражают в исторической ретроспективе явления общерегиональные. Возможно, движения, набравшие тогда силу в мусульманской среде, широко проявляются в настоящее время, определяя во многом ливанский внутривнутриполитический ландшафт.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РФФ (проект № 17-18-01614).

Источники

- MME – Muslim minorities in Arab countries, 1843–1973: 4 v. / Ed. B.D. Destani. – Slough: Archive Editions, 2006. – V. 4: 1950–1973. – 605 p. – (Minorities in the Middle East)
- AfZ – Archiv für Zeitgeschichte der ETH Zürich. NL Guido Keel / 6.2. Politische Berichtes Laufzeit: 1960–1965.

Литература

1. *Родионов М.А., Сарабьев А.В.* Марониты: традиции, история, политика. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. – 501 с.
2. *Ланда П.Г.* Ливан в годы Второй мировой войны // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.* – 2015. – № 3. – С. 63–71.
3. Chronological summary of events // *Chronology of International Events and Documents.* – 1946. – V. 2, No 15. – P. 437–462.
4. *Petran T.* The Struggle over Lebanon. – N. Y.: Monthly Rev. Press, 1987. – 431 p.
5. *Suleiman M.W.* Elections in a Confessional Democracy // *J. Polit.* – 1967. – V. 29, No 1. – P. 109–128.
6. *Johnson M.* Class and Client in Beirut: The Sunni Muslim Community and the Lebanese State 1840–1985. – London: Ithaca Press, 1986. – 244 p.
7. *Ланда П.Г.* История Ливана. XX век. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. – 276 с.
8. *Khashan H.* The Lebanese State: Lebanese Unity and the Sunni Muslim Position // *Int. Sociol.* – 1992. – V. 7, No 1. – P. 85–97.
9. *P. M., A. F.* Libano // *Oriente Moderno.* – 1960. – Anno 40, Nr. 7/8. – P. 445–456.
10. Das Ergebnis in Wahlen in Libanon // *Neue Zürcher Zeitung.* – 1960. – 5. Juli.
11. Developments of the Quarter: Comment and Chronology // *Middle East J.* – 1961. – V. 15, No 2. – P. 178–210.
12. *Suleiman M.W.* The Role of Political Parties in a Confessional Democracy: The Lebanese Case // *Western Polit. Quart.* – 1967. – V. 20, No 3. – P. 682–693.
13. *Тимофеев И.В.* Камаль Джумблат. – М.: Прогресс, 2003. – 494 с.

Поступила в редакцию
17.07.17

Сарабьев Алексей Викторович, кандидат исторических наук, заведующий Научно-издательским отделом, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований

Институт востоковедения Российской академии наук
ул. Рождественка, д. 12, г. Москва, 107031, Россия
E-mail: alsaraby@ya.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 6, pp. 1541–1555

**Changes of the Lebanese Muslim Ummah in the 1950s–1960s:
Assessments of Western Diplomats**

A.V. Sarabiev

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 107031 Russia
E-mail: alsaraby@ya.ru

Received July 17, 2017

Abstract

The third quarter of the 20th century was marked for Lebanese Muslims by disappointment in the possibility of strengthening their positions after the period of the French mandate, when, in their

view, the most important socio-political privileges were occupied by Lebanese Catholic Christians. The Sunnis' position in the Lebanese political field was determined by the adherence to the ideas of Arabism and the unity of the Arab ummah, ideas which could not be sufficiently shared by Christian politicians – even adherents of explicit pro-Arab orientation. The Shi'ite notables were at the stage of formation of their political demands, so they largely associated themselves with the Sunnis and they supported those Christian politicians who less hampered the political participation of the Muslims of Lebanon at the level of state administration. Behind the turbulent political space of Lebanon, as well as neighboring Syria, Western diplomats watched closely, trying not to lose sight of the contradictions between the religious communities, traditionally considering them as possible objects of their efforts.

Keywords: Lebanon, Muslims, Arab ummah, political rights, inter-confessional relations, British diplomats, Swiss diplomats, confessionalism

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 17-18-01614).

References

1. Rodionov M.A., Sarabiev A.V. *Maronity: traditsii, istoriya, politika* [Maronites: Traditions, History, and Politics]. Moscow, Inst., Vostokoved. Ross. Akad. Nauk, 2013. 501 p. (In Russian)
2. Landa R.G. Lebanon in the years of the World War II. *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istoriya i Sovremennost'*, 2015, no. 3, pp. 63–71. (In Russian)
3. Chronological summary of events. *Chronology of International Events and Documents*, 1946, vol. 2, no. 15, pp. 437–462.
4. Petran T. *The Struggle over Lebanon*. New York, Mon. Rev. Press, 1987. 431 p.
5. Suleiman M.W. Elections in a confessional democracy. *Journal of Politics*, 1967, vol. 29, no. 1, pp. 109–128.
6. Johnson M. *Class and Client in Beirut: The Sunni Muslim Community and the Lebanese State 1840–1985*. London, Ithaca Press, 1986. 244 p.
7. Landa R.G. *Istoriya Livana. XX vek* [Lebanon History. 20th Century]. Moscow, Inst. Vostokoved. Ross. Akad. Nauk, 2016. 276 p. (In Russian)
8. Khashan H. The Lebanese state: Lebanese unity and the Sunni Muslim position. *International Sociology*, 1992, vol. 7, no. 1, pp. 85–97.
9. P.M., A.F. Libano. *Oriente Moderno*, 1960, Anno 40, Nr. 7/8, pp. 445–456. (In Italian)
10. Das Ergebnis in Wahlen in Libanon. *Neue Zürcher Zeitung*, 1960, 5. Juli. (In German)
11. Developments of the quarter: Comment and chronology. *Middle East Journal*, 1961, vol. 15, no. 2, pp. 178–210.
12. Suleiman M.W. The role of political parties in a confessional democracy: The Lebanese case. *Western Political Quarterly*, 1967, vol. 20, no. 3, pp. 682–693.
13. Timofeev I.V. *Kamal' Dzhumblat* [Kamal Jumblatt]. Moscow, Progress, 2003. 494 p. (In Russian)

Для цитирования: Сарабьев А.В. Трансформация ливанской уммы в 50–60-х годах XX века: оценки западных дипломатов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 6. – С. 1541–1555.

For citation: Sarabiev A.V. Changes of the Lebanese Muslim ummah in the 1950s–1960s: Assessments of Western diplomats. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 6, pp. 1541–1555. (In Russian)